

От автора

Заранее прошу прощения у друзей, супруги и младшего сына Гришки, которые не упомянуты в книге. Обещаю исправиться. Прошу прощения за возможные неточности. Жанр рассказов не предполагает абсолютного совпадения сюжетов с реальными событиями. Но в основе этих текстов автобиографические факты. Особо хочу извиниться перед юными читателями и впечатлительными барышнями за использование ненормативной лексики. Из песни блох не выкинешь.

Все. Извинения розданы. Можно начинать листать.

Обстоятельства чувства

001. Маленький. Синий. Не дышу. Стоит ли продолжать?
Сомнение.
002. Схватили. Треснули по жопе. Задышал. Ору. *Больно.*
003. Опять дали по жопе. Заткнулся. Что дальше?
Растерянность.
004. И это жизнь? А пожрать? Мама! Мамочка! *Голод.*
005. Грудь. Великовата, но приспособимся. Сосу.
Умиротворение.
006. У нее холодные руки. До чего холодные руки. Мама.
Сон.
007. Снится, что они опять меня вытягивают. *Кошмар.*
008. Просыпаюсь. Холодный пот. Опять сосу. *Привычка.*
009. Волосатый мужик. Папа. У него нет сиси.
Разочарование.
010. Бабушка. У нее есть сиси. Сует соску. *Обман.*
011. Дедушка. Такой же волосатый, как папа. *Узнавание.*
012. Когда они были маленькими, их тоже пеленали?
Бессилие.
013. Чтобы уснуть, надо досчитать до ста. А если не умеешь?
Бессонница.
014. Что-то чешется, а хрен почешешь. Зубы?
Homo Predator Erectus.
015. Перевернулся на живот.
Давящее, блядь, какое-то чувство.
016. Встал. Но тут же ебнулся.
Может, со мной что-то не так?
017. Встал. И снова ебнулся. *Точно, в семье не без урода.*
018. Встал. И ухватился за мамин палец. *Благодарность.*
019. Встал. И пошел, куда ведут. *Покорность.*
020. Встал. И пошел, куда глаза глядят.
Эй, деда, что это у тебя в стакане?

Внук

Бабушка, милая. Дорогая моя, Бабаня. Анна Марковна, золото, ну что ж ты так убиваешься?

Ну, потерялся внук. Ну, сгинул. Но зачем же так кричать? Весь Твербуль переполошила: «Женя! Женечка!»

Да, слышу я тебя, слышу. Вот он (шепотом), тут я, около дома артистки Ермоловой. В шубке, тобой перешитой.

И машин почти не было. Перелез через ограду и от бабушки ушел. Да, не ори ты, уши закладывает.

А она: «Господи, да где же он?! Я только газету отвлеклась почитать. А он ушел. Маленького мальчика не видали? В очках? Он же без очков ничего не видит. Женечка!»

А я уже бочком-бочком к магазину «Ткани» пробираюсь. Там сосульки.

Не видали? Не видали? Не видали? Эхом над Тверским бульваром.

На светофоре тетя: «Мальчик, ты чей?» «Меня во-он там бабушка ждет».

«Живая рыба». Это магазин такой. Там дедушка по пятницам для меня сомов ловит. А запах...

Мимо проносится Бабаня: «Женя! Женечка!»

«Ты с кем, мальчик?» «Я? С бабушкой». «А где твоя бабушка?» «Она в кассе пробивает».

А тем временем Анна Марковна взбегаёт по ступенькам гороховского дома. Столовый переулок, 4, квартира 10. Звонит три раза. Открывает дед.

«Женя пропал!»

Дед прислонился к стене. Деду плохо. Дед говорит: «Аня, только не волнуйся. Давай рассуждать здраво».

«Я побежала искать. Ты звони в милицию».

Дверь хлопает. Григорий Абрамович тяжело шествует к телефону в коридоре. Черный такой телефон, довоенный.

Вздыхает и набирает «О». Диск с долгим стрекотом проворачивается.

Три звонка.

Три звонка. Получилось! В первый раз! У меня уже рост метр. Почти. А они «не растешь совсем».

Дед вешает трубку. Слышно как тапки шлепают.

Открывает: «Ты?!?!» Обнимает. Поднимает. Целует. Плачет.

«Что?! Что стряслось?»

«Страшное. Бабушка потерялась».

Палец

Есть такое кино. «Это было в разведке». Не смотрели? А мы с дедом Гришей смотрели два раза. Это про мальчика. Ну, он партизаном был и сыном полка. Знаете, какое место там самое лучшее? Когда над ним в столовке солдаты смеются, а он снимает шубу – и под ней ордена с медалями. Очень хорошее кино. В эту субботу опять по первой программе показывают.

Меня зовут Женя. Мне шесть лет. Я живу с бабушкой и дедушкой. Недавно я был слепой, а теперь нет. И смотрю телевизор. Бабушка с дедушкой меня очень любят. Хотя со мной трудно. Потому что я непослушный.

Но сегодня я всех слушаюсь. Сегодня суббота. По первой программе кино «Это было в разведке». Бабадя варит на кухне компот. Если я буду себя хорошо вести, она мне разрешит выловить абрикоски. А потом Дедгриша будет колоть косточки специальной такой костоломкой и отдавать мне. Я поделюсь, честное слово.

Звонит телефон. Дедушка складывает газету, снимает очки и идет к телефону. У нас телефон отдельный от соседей. Его дедушке дали, потому что он – эксперт. 202-49-81.

Телефон звонит долго. Я катаю машинки. Дедушка не спешит. Он снимает трубку: «Слушаю». Я тоже начинаю слушать. Дед как-то странно сопит. Потом кричит: «Аня!» Бабушка не слышит, она на кухне варит компот. Дед говорит: «Женя, позови бабушку». И продолжает слушать.

Я бегу на кухню. Кричу: «Бабадя! Деда зовет!» «Сам подойти не может?» «Там к телефону!» Она, не спеша, вытирает руки чистой тряпкой, поправляет прическу и идет по коридору к нашей комнате.

Дед уже сидит на стуле, подперев голову рукой, и продолжает слушать. Знаком просит ее сесть рядом. Потом говорит что-то

странное. Вроде «эдикумер». Она охает и начинает плакать. Они еще долго, по очереди, говорят с кем-то по телефону.

Потом оба встают. Дед говорит: «Ну, поехали». А Бабадя: «Женя, иди сюда, надо одеваться».

Зачем одеваться? Куда одеваться? Вы что, с ума сошли?! Я играю! Сейчас доварится компот. Через два часа остынет. И мы сядем смотреть кино. Дедгриша будет колоть косточки...

Кажется, я все это кричу. Но дед подходит ко мне и строго говорит: «Женя, так надо». Он никогда *так* строго со мной не говорил.

— Нет! Нет! Нет! Нет!!!

Это я кричу. Я очень страшно умею кричать. Очень страшно.

Бабушка опять плачет. Дедушка кричит на нее и на меня. Мы все плачем.

И тогда он хватает с тумбочки зеленую обувную ложку. И как *вдарит* ею по спинке стула! Стул хрясть, и сломался.

Все сразу замолчали.

А он подошел ко мне, протянул погнутую обувную ложку и говорит: «Надень куртку и ботинки».

И тут я понимаю: все, сейчас мы уйдем, и я не увижу, как мальчик снимает шубу — а под ней орден с медалями. Какие же они... жестокие! А ведь я так любил их!

— Нет! Нет! Нет! Нет!!!

Бабушка снова начинает всхлипывать. Кап слезинка, кап. Кап — последняя.

Дед хватается за обувную ложку, чтобы натянуть на меня

ботинки. Я не успеваю выдернуть из дырки в ложке большой палец моей левой руки. Дед тянет... слышен хруст... я дико ору...

Я дико ору!

— Боже мой! Гриша! Что ты наделал?!

(Пауза)

Я все еще ору. Но уже не так дико.

Я ору: «Палец! Палец! Палец!»

Бабаня орет: «Гриша! Гриша! Женя!»

Дедгриша не орет. Ему опять плохо.

Она ему: «Ну, что ты стоишь как истукан?! Вызови скорую!»

Он ей: «Нет-нет, Анечка, на такси быстрее».

(Пауза)

Меня, орущего уже совсем тихо, хватают и усаживают в такси.

Она ему: «Аккуратней. Гриша. Палец. Аккуратней».

(Пауза)

В Филатовской больнице мне делают снимок. Потом — повязку, даже не гипс. Я руку ломал, когда был маленький, я знаю, как это бывает. Врачи утешают Бабаню и Дедгришу: «До свадьбы заживет».

(Пауза)

Я сижу в кресле. Передо мной белая чашка с холодным компотом. Правой рукой я очищаю колотые косточки вареных абрикосок.

Мальчик-разведчик снимает шубу — и под ней ордена с медалями. Очень хорошее кино.

А дядю Эдика похоронили без нас. Мы потом на поминки ездили.

(Пауза)

Большой палец левой руки сослужил мне добрую службу. После увечья образовалась в нем дополнительная степень свободы. Что позволяло мне без особого труда завоевывать авторитет в детских коллективах. Бабаия строго сказала бы «дешевый авторитет».

— Жека, покажи еще раз... — и восхищенное: — Ох-нифига-себе! Как это ты?

И я повествовал: «Есть такое кино...»

...

А погнутая зеленая обувная ложка еще долго у нас жила. И дедушку пережила. И бабушку.

Кровь

Кровь разная бывает. Бывает, капает из порезанного пальца. Бывает, сочится из разбитой коленки. Бывает — ты зажмурился, открыл глаза — а она замирает в пробирке.

Бабушка говорила: своей крови бояться стыдно — чужой крови бояться глупо.

Или она говорила о смерти?

Нет, о смерти так не скажешь.

Зима

Я ходил на фигурное катание. На Герцена, от Консерватории налево. Белая шапочка, белый шарфик, белая курточка, белые рейтузы, белые коньки. Я не любил белый цвет. И не носил варежек.

Я уже умел делать «пистолетик» и учился делать «ласточку»: руки в стороны, спина прямая, нога — продолжение спины, наклон, голову повыше, смотришь вперед — скользишь. Иногда пугаешься и неуклюже становишься на оба конька. Потом опять. «Хорошо. Хорошо. Вот так — совсем хорошо».

Кругом красивые мальчики и девочки постарше. Они умеют делать «волчок» и неловкие пока прыжки. У меня получается — руки в стороны, спина прямая...

Вдруг кто-то чиркнул меня коньком по ладони. Едва. Чуть-чуть. Совсем не больно.

Я съехал в сугроб, зажав в ладони что-то теплое. Ко мне подбежали. Я раскрыл ладонь лодочкой. В ней пульсировала красная кровь. Они ушли за аптечкой. Я остался один.

Она была похожа на тушь. Я умел рисовать. Но кровью на снегу можно рисовать только что-то значительное. Я думал слишком долго. Уже несли бинты.

Весна

Потеплело. Мы с Володькой Стариковым гуляли по Капотне. Отошли подальше от дома, закурили и отправились на стадион.

Около стадиона нас окликнули. «Странная компания», — подумал я. Рядом с «Князем» и еще парой пацанов стоял наш Дамир Чураков. У него была короткая левая рука с игрушечными пальцами. Все в классе его доводили. Кроме меня — он был единственным татаринном, я был единственным евреем.

«Князь» подошел к Володьке: «Чурка с тобой говорить хочет. Иди». И остался рядом со мной: «А ты стой, тебя это не касается».

Володька был толстый и неловкий — бить его было просто и неинтересно. Я только спросил: «За что?» «Князь» сказал: «За дело. Наука будет».

Они его били пару минут. Пока он не упал. Потом ушли.

Володька встал, с трудом. Из носа у него текла кровь. «Голову запрокинь». «Пошел ты...»

Он уходил. Я догонял, просил меня простить и понять. Он только говорил: «Пошел ты...»

Иногда он опускал голову. И тогда на серый асфальт проливались несколько десятков капель его крови. Он снова запрокидывал голову. Потом опять.

Лето

Я влюбился. Мне были нужны деньги. Потому что она была в Риге, и я должен был поехать к ней. Во что бы то ни стало.

Ничего не придумалось, кроме заработка в подшефном совхозе. Я был сильным и никакой работы не боялся. Я думал, что буду строить там какие-нибудь сараи, и к августу у меня будут деньги на пару недель шикарной жизни.

Но в строительных бригадах для балбеса без правильной специальности места не нашлось. Работа в поле никакого приличного дохода не сулила. Я выиграл у младшего научного сотрудника и агронома в «тысячу» двадцать рублей и уже собирался уезжать в Москву, когда мне предложили работу.

Его звали дядей Федором. Был он мелким, смуглым, с прищуром. Левшой. И всегда ходил с соломинкой. Дядя Федор забивал коров. Такая у него была работа. Ему нужен был новый помощник. Старый спился совсем.

«Не страшно?» — спросил он меня.

Работал он ювелирно. Сначала долго и тщательно точил косу. Потом заворачивал ее в тряпочку, подальше от глаз.

Шел за коровой. Бойня была отгорожена от стойл.

Приводил, все время ласково поглаживая. Я привязывал ей две веревки за задние ноги — чуть выше копыт. Веревки были перекинута через блоки и намотаны на барабан с электроприводом. Но потом удерживать веревки все равно надо было руками.

Дядя Федор доставал косу, брал ее в левую руку, подходил к корове. Что-то ласково ей шептал и начинал щекотать ноздри соломинкой. Когда корова поднимала улыбающуюся морду, он резко один раз чиркал косой. Я нажимал ногой

на «пуск» и хватался за концы веревок. Потом их надо было закрепить и подождать, пока стечет кровь.

Мы молча курили.

Свежевал он сам. Но треть денег получал я. Такая у него была справедливость.

В августе я сошел с поезда в Риге. На мне был белый прикид. Такая мода.

Осень

Лева Брагинский умирал пять дней. Мы с Ленкой и Левиными родителями сидели в кабинете главного врача.

Он зачитал приговор: смерть мозга — можно еще несколько дней поддерживать дыхание и сердце, потом все.

Он спросил нас: готовы ли мы пожертвовать Левино сердце и еще что-то. Мы кивнули. Он попросил нас подписать какие-то бумаги. Мы сказали, что у нас есть друг — Игорь Хайцин, он ждет пересадки сердца. Нам было сказано, что они проверят возможность пересадки и, в любом случае, что-то там ускорят. Мы еще раз кивнули.

Леву разобрали. Оказалось, что у него здоровое сердце, здоровые почки, здоровая селезенка... Он любил жаловаться на здоровье.

Потом были похороны. На иерусалимском кладбище Гиват-Шауль. Вокруг суетились бородатые люди в черном. Это была их работа.

Ленка как-то странно посмотрела на меня и сказала: «Они его обрезали». «?» «Иначе бы здесь не похоронили». «Зачем? Ведь его в больнице...»

Можно лишиться ума, можно лишиться чувств, можно лишиться сил. Я лишился воображения.

У евреев есть хорошая традиция — шива. Прошла неделя. Жизнь продолжалась.

Бабушка говорила: своей крови бояться стыдно — чужой крови бояться глупо.

Или она говорила о смерти?

Нет, о смерти так не скажешь.

Боль

Что ты кричишь, когда появляешься на свет? О чем ты кричишь? Тебе трудно дышать, тебе холодно и страшно. Не ты первый. Вот грудь. Прижмись и спи.

Твой первый зуб. Больно. Невыразимая боль. Зачем? Почему еще вчера ничего этого не было? И почему они смеются? Чему радуются? И ближе их нет.

Вот так и растешь. Через боль. Через чертову прорву болячек. Жизнь как на ринге. Голова, шея, живот. Пах. Отлежаться бы. Но тут зубы. Снова зубы.

Потом наступает день, когда мама говорит: «Не плачь. Пойми, не только тебе бывает больно. Но другие терпят и не плачут». Значит, вырос — раз она с тобой так.

С семи лет у меня была своя комната. Когда случился приступ аппендицита, я говорил себе: «Не кричи, разбудишь — и она опять тебе скажет». Утром увезли на скорой.

И пошло-поехало. С тех пор, подслушав от докторов, что «чудом обошлось», я искал ответа на вопрос: сильная боль — это как?

Теперь-то я знаю: у каждого свой болевой порог. Но разве от этого легче? Разве это знание научило меня сочувствию?

Боюсь, что нет.

От детского крика у взрослых болит голова. А детям от этого еще хуже. Это как свет солнца отражается от лун и виден на землях. Но не греет.

Вчера сын ударился и поднял крик. Первое, что я ему сказал: «Ну, что ты кричишь?» То есть я хотел спросить: «Где болит?» Но это уже потом.

«Будь мужчиной». Спасибо, папа.
А вот так тебе было больно?

Веревка в небо

(жизнеописание смерти, фрагменты)

Когда она приходила к другим, я отводил глаза. Но в памяти оставалась картинка, слово, запах. Замечала ли она меня? Не знаю.

I

Я узнал о ней поздно. Лет в пять. Какое мне было до нее дело? Рядом со мной жили мама, папа, их мамы и папы, а также целая куча дядюшек и тетюшек. Однажды меня повели к каким-то родственникам, где почему-то не давали играть, а попросили тихо посидеть на кухне с молодым человеком лет семи, назвавшимся моим четвероюродным братом. Ни понять что это такое, ни повторить неммыслимое словосочетание я не мог. Мал был еще. Не знаю почему, запомнилось, как мы ели яйца всмятку. И молодой человек, хмуро собирая рассыпавшиеся скорлупки, сказал: «А у меня дедушка умер». Я прирос к стулу и мучительно соображал, что надо делать в такой ситуации. Я почему-то знал, что полагается горевать, но как это делается — понимал с трудом. На всякий случай я перестал есть и молчал, пока меня не увели домой. Глупо получилось.

Много позже я прочитал, кажется, у Эмиля Брагинского, детский диалог:

— А у меня дядя космонавт.

— А у меня дедушка умер...

И вспомнились мне недоеденное яйцо, черный хлеб с маслом, хмурый молодой человек и приторный запах цветов.

Потом была настоящая черепаха. Она жила в живом уголке специализированного детского сада для очкариков на улице Горького, куда меня поместили в связи с частичной потерей зрения после болезни скарлатина. До того еще была дизентерия. А еще раньше я ломал руку. Но это было не так страшно. Когда я болел скарлатиной, то научился раскачивать стены — надо было смотреть долго-долго на полосатые обои и начиналось.

Иногда мне удавалось заставить комнату вращаться. Правда, это продолжалось недолго. Всякий раз после этого я засыпал.

Мне снилась снежная королева. Она звала меня за собой. Она говорила: я знаю, ты не уснул, ты умер.

II

Но лучше я расскажу про черепаху. Мне она нравилась. Я ей, наверное, тоже. А один раз я нашел ее совсем даже не в живом уголке, а за железной оградой, она лежала, как неживая, и у меня не было палки — до нее дотянуться. Кажется, я рассказал про это всем — очкарикам, воспитателям, бабушке — но никто не помог мне достать черепаху... Потом ее съели черви. Я наблюдал за этой трапезой день изо дня. Мне не было ни противно, ни страшно — я отдавал последний долг и иногда чуть-чуть плакал. Забавно, я помню, что пел над пустотелым панцирем революционную песню «Слышишь, товарищ, война началась...» Зоологический кадиш.

Вскоре все в моей жизни переменялось. Мы стали жить с мамой. В Капотне. Я пошел в школу. Влюбился. Ходил на продленку. И даже два раза пострадал от хулиганов. В первый раз у меня отняли патиссон, подаренный бабушкой одноклассника, и порезали его на куски. Во второй раз у меня отняли юбилейный рубль с Лениным, когда я ходил за хлебом. Рубль вернулся — мама позвонила кому-то из своих учеников, а на другой день мне отдали деньги и предложили дать пинка обидчику. Я отказался, и правильно сделал. Патиссон не вернулся, мне дали другой, но свой первый патиссон я не сумел защитить.

III

Это было во втором классе. Их звали Виталик Графов и Валера Никандров. С Валерой мы успели почти подружиться еще до школы. Его папа работал на нашем нефтяном заводе, у него

была служебная машина, и мы ездили летом в лес. Мы — это Валерка, его папа и мама, моя мама и я. Помню одуванчики и какие-то ржавые штуки... Виталик в моем тогдашнем понимании был просто двоечником. Дружить с таким я не мог никак. Но был он безобидным, бледным, лопухим. Уже после школы, рассматривая старую классную фотографию, я обнаружил, что он был тонок и красив...

Однажды мы узнали — все сразу, — что Виталик и Валера взорвались. Говорят, это была большая банка с краской, в которой они проковыряли дырку, вставили фитиль и подожгли. Но что-то не получилось, банка взорвалась сразу... Мы все тогда что-нибудь взрывали. Да и потом тоже. Делали порох из серы, селитры, угля и марганцовки. Добывали на Быковском аэродроме магний из разбитых вертолетов. Потом точили магниевую крошку напильником. В худшем случае отделялись ожогами. Виталик и Валера сгорели почти полностью. Их потушили слишком поздно.

Первым умер Виталик. В гробу он был синим. Наши мамы сшили нам красные повязки с черным ободком. Директор школы Александр Васильевич решил, что для всех нас будет хорошим уроком, если мы похороним своих товарищей. Я шел за гробом и вспоминал этот приторный запах. Теперь у меня был опыт страшнее, чем у того четвероюродного брата. Вторым умер Валера. В гробу он был оранжевым. Но я этого не видел. Мама решила, что у меня нервный срыв. Она увезла меня в пионерский лагерь, где в живом уголке жил настоящий орангутанг. Но я все равно боялся спать.

IV

После лета мы вернулись домой. Я смотрелся в зеркало и видел морщины. Не мог вспомнить, появились ли они сразу после того или немного позже, а может быть, просто раньше я не обращал на них внимания. Теперь обращал. Морщины мне нравились...

Я отомщу тебе, мама

«Лунные поляны. Ночь как день светла. Спи, моя Светлана, спи, как я спала...»

- Не надо, мама.
- Я плохо пою?
- Я не девчонка.

«В уголок подушки носиком уткнись. Звезды, как веснушки мирно светят вниз...»

- Ненавижу веснушки.
- У тебя чудесные веснушки.
- Ненавижу!

«Лунный сад листвою...»

- Я же сказал: прекрати!
- Ну, дай я допою...
- Прекрати, или я тебе отомщу!
- Ты? Мне? Отомстишь?
- Да, отомщу!
- Но как?

...

В России это долгое дело. Если ты умер в феврале, то твой пепел зароят в марте. Запросто. Зароят, как мальчишки зарывают клад. Просто несколько мужчин приедут на машине в лес, где спряталось кладбище. Один из них принесет такую закрытую металлическую вазу, в которой пепел. Они сорвут несколько сосновых веток, смастерят из них веники и счистят снег. Потом возьмут лопаты и начнут копать ямку. Нужно будет сломать ледяную корку, дальше легче, дальше песок. Один из них найдет в песке камень кремний и положит его в карман. Потом он подышит на руки и скажет: «Дальше я сам». Он сделает углубление ровным, возьмет вазу, положит

в ямку и засыплет песком. «Ты как?» «Уйдите, пожалуйста. Оставьте нас. Я догоню».

...

— Ну? Что тебе спеть, мама?

«Лунные поляны. Ночь как день светла...»

Голос трескается на морозе.

Гагарин

— Что бы сказал Гагарин, если бы увидел, как ты ешь? — это Бабаня увещевает.

Достали они меня этим Гагариным. Как будто я виноват, что все так вышло?

Было мне два года. Понесли меня в Александровский сад — на прогулку. Я в те годы гулял только там, куда меня носили. Гуляем.

Вдруг все куда-то побежали. Дедгриша меня схватил и тоже побежал. Кричат: «Гагарин! Гагарин!»

Добежали. А мне какое дело? Ну, Гагарин. Это дядя такой в фуражке, которого все любят. Все смеются. Я тоже смеюсь — раз у людей настроение хорошее.

И тогда случилось это. Историческое. Я сам не очень помню, мне дедушка с бабушкой рассказывали. То ли Гагарин был к детям добр, то вид у меня был миролюбивый...

Но схватил он меня на руки.

Все еще радостней смеяться стали. «Гагарин! Гагарин!» — кричат.

А он меня обнимает. Потом так — на вытянутых руках — поднял и спрашивает громко, чтобы все слышали:

— Хочешь быть космонавтом?!

Реконструкция.

На мне круглая шапочка в полосочку. Короткое пальтишко. Рейтузы розовые. Ботиночки на шнурках. Мне два года. Говорить я начал только этой весной.

— Хочешь быть космонавтом?!

— Деда! Я писать хочу!

Нет, я не Ойстрах

Мама решила дать мне музыкальное образование. В доме появилась скрипка-четвертушка. Я успел сходить на пару занятий. А потом со мной приключилось вот что. Я шел из музыкалки, на носу очки, под мышкой — чтоб не мерзли руки — скрипка. Во дворе пацаны играли в хоккей. Я не умел и завидовал. Мне свистнули, я подбежал. Сказали: братан, стань на ворота. Я стал, футляр со скрипкой положил у штанги. Боялся страшно, мне ведь никто не объяснял, как ловить эту шайбу. Сначала шайба пролетела мимо ворот и долбанула по футляру, всем стало очень смешно. Следующая угодила мне по очкам. Я пришел домой, разделся, вынул целую скрипку из футляра, положил ее на кресло, постоял минуту и... сел на нее сверху. Что-то тренькнуло, что-то треснуло. Разбитые очки я положил рядом. Потом пришла мама. Был долгий разговор. Потом она звонила папе.

Много позже я узнал про то, как мой папа не стал скрипачом. После войны все вернулись в Москву. Папа ходил в школу. И его мама решила дать ему музыкальное образование. Наш дом на Никитских находился между школой Гнесиных, консерваторией и филармонией. Окружение располагало. Папе купили скрипку-четвертушку. Он успел взять несколько уроков. Потом пришли с обыском, папиного папу забрали, а скрипку сломали — в ней что-то искали. Не нашли ничего.

Тогда папа рассказал эту историю маме. Они посоветовались. У нас дома появилась гитара за семь рублей и канарейка в клетке — за три, всего десять. Деньги дал дедушка Гриша, папин папа. Очки я с тех пор не ношу.

Дедовы истории

Они терпели друг друга — Иосиф и Григорий. Три года терпели, пока родители не развелись. Баба Аня любила говорить: «У тебя разные уши, Женя. Левое Гришино, правое Иосино. Тьфу, чтоб им было приятно».

Они были разными. И у них были разные любимые истории.

История Иосифа

Когда был Иосиф маленьким, с кудрявой головой — он жил в городе Харбине и мечтал стать богатым. Самыми удачливыми предпринимателями, в понимании юного Иосифа, были два типа китайцев: первые склеивали рваные рубли (1 копейка за 1 рубль), которые были в большом дефиците в их городе, вторые рубили суковатые стволы на дрова, которые расхватывались без остатка.

Но прибиться к такому большому бизнесу у Иосифа не было шансов никаких. А потому нашел он себе иного кумира.

По городу бродил дурачок Ю. Он был огромного роста и недюжинной силы. Ю зарабатывал тем, что рубил пни, с которыми не могли справиться другие рубщики. У Ю не было конкурентов, и он позволял маленькому Иосифу часами следить за его хитрой работой.

Работал Ю несколькими колунами одновременно. Там подопрет, тут пристукнет — пень и разваливается.

Свои первые деньги подросший Иосиф заработал рубкой таких пней. Многое успел подглядеть.

Будучи пожилым человеком, он очень любил рассказывать эту историю, всякий раз резюмируя: «Умный у дурака научится». А я жалел дурачка Ю, который остался, наверное, без работы.

История Григория

После «химии» под Тулой его отправили в Сибирь, где он командовал сотней бендеровцев, строивших мосты и дороги. Потом реабилитировали, он вернулся в Москву. И укатил с женой к Черному морю.

Там за пару недель спустил все наличные деньги, играя по-крупному с кем ни попадя. Пришла пора возвращаться в Москву. А как? Дед снова пошел играть, заняв столик под залог костюма. И выиграл — на два билета хватало.

Идет к жене на вокзал. Вдруг видит: в киоске продаются шоколадные конфеты «Мишка на севере» — давненько не пробовал шоколадных конфет. Купил на все. Принес жене. Она в шоке: «Как же так, Гриша? Откуда?» Фантики натурально летят в кусты.

Так и добирались до Москвы на перекладных, подкармливая проводниц «мишками». Играть она его больше не пустила.

...

Помню «цветочную историю» Грина, помню «историю про поездку за анекдоты» Заболоцкого. Но историю про «мишек» люблю больше. А дурачка Ю мне по-прежнему жалко.

Последние слова

4 ноября 1976 года мне было тринадцать лет. Мой Дедгриша лежал в больнице. Я зашел его навестить.

Через три дня деду предстояла операция, во время которой он умрет.

Дед почти не говорил. Только шептал.

Вот он шепчет и манит меня пальцем. Он улыбается, и мне становится страшно весело.

Мой большой дед, мой стокилограммовый Григорий Абрамович тоже пытается смеяться. Но шепотом. Понарошку.

Я подхожу и еле-еле слышу:

— Девочка у тебя есть?

Я смущен.

— Ну...

Он улыбается и жестом просит подойти еще ближе.

— Ты не спеши, не спеши.

— Куда не спешить?! — я немного злюсь.

— Ты не спеши... Если в наш корень пошел, и на смертном одре сможешь.

Он рассмеялся и закашлялся. Шепотом.

Я собирался навестить его 11 ноября. Но 11 ноября его уже похоронили.

Вот и все.

Иногда я прошу — не знаю какого — Бога, чтобы дал он мне такую возможность: хоть что-то сказать на прощанье внукам. Хоть глупость какую.

Если будут внуки. Если в наш корень пойдут.

Женская дружба

Ханочка и Манечка дружили с детства. С того самого беспокойного детства, которое случилось с ними в белорусском местечке Климовичи и пришлось на начало двадцатого столетья.

Вместе нянчили братиков и сестричек, вместе читали по складам Тору, вместе бегали тайком на песнопения в православную церквушку, вместе получали от родителей за это по жопам.

Анна и Мария, в двадцатые годы, почти одновременно перебрались в Москву, повыскакивали замуж, пережили темные времена, нарожали детей, пережили еще одни темные времена и состарились.

Когда родились внучки — Женечка и Левушка — Марковна и Исааковна уже не встречались, а лишь названивали друг другу каждый день и делились впечатлениями: мой уже «баба» сказал, а мой уже «пипи» на горшок делает, мой на одни пятерки учится, а мой с золотой медалью закончит, мой девку привел, а мой меня на свадьбу позвал...

Однажды Левушка (уже после развода) купил машину «Запорожец». И пришла им с Женечкой в голову шальная идея: собрать двух бабушек на одной жилплощади, на пару часиков.

Собрались. Ахи-охи: ах, Ханочка, ох, Манечка. По рюмочке, по второй, по третьей. Хорошо посидели. Но вот уж уходить пора...

Чтоб не плакали на прощанье, Женечка стравил публике анекдотец. Сам ухмыляется, Левушка посмеивается, Манечка хохочет. Только Ханочка никак взять в толк не может: «Ну, и чего такого в этом веселого?»

Посмотрела грустно-грустно Манечка на подругу и с такой искренней нежностью в голосе ей говорит: «АНЯ, КАК БЫЛА ДУРОЙ, ТАК И ОСТАЛАСЬ».

Украшением встречи стала эта фраза. Последней встречи... Загадочный народ — бабы.

Мой генерал

Фшшик, фшшик — это Бабаня метет желтым веником хозяйскую веранду. Фшшик, фшшик — на венике чулок капроновый, чтоб не рассыпался. Десять раз фшшик — и смачивает веник в эмалированном тазу, белом с черной отметиной. Любит Бабаня чистоту и порядок.

Болшево. Я уже большой, закончил два класса. Вчера я рассказал младшему брату Леньке, откуда берутся дети. И он меня поколотил. Здоровый, гад. Зато у меня есть турник. Дедушка повесил. Я на нем умею три разных переворота и скоро научусь делать «солнышко».

Бабаня веранду метет шепотом — чтобы внук не проснулся. Не каждый день счастье такое, чтобы внук закемарил после супчика. Комнату его подмела уж. Еще полчасика — дометет веранду — и пора будить Женечку. Спит родимый.

Мы в Болшево второй раз снимаем. Ленька тут вообще живет, но в городе. Хорошая дача. Через овраг — усадьба героя Папанина. Мы туда в прошлом году за грибами лазили. Бабаня не знает. Я вокруг усадьбы на велосипеде ежжу, чтобы еще сильнее стать.

Присела Бабаня передохнуть. Хорошо. Сирень отцвела, в банке — первые ромашки. Это Женечка собрал. Принес, говорит: «Это тебе и маме, когда приедет». Смешной.

Я вам по секрету расскажу: *у меня тут игра*. Я еще в прошлом году придумал. В саду яблони, сливы и вишни растут. Самые-самые, это — вишни. Незрелые падают на землю — только успевай собирать. Зеленые и совсем мелкие — солдаты. Покрупнее и пожелтее — офицеры. А один, я его под верандой нашел, большой и красный — генерал. Это моя армия.

А воюют они с басмачами — узкими, зелеными — которые могли бы яблоками и сливами стать, но не стали, заболели. На войне, как на войне — я по ним камнями стучу и булавокками в них тыкаю. У меня закон: всех раненых — в лазарет, он в углу на веранде спрятан. Армии — под кроватью, в детской.

Вчера случайной пулей был ранен мой генерал. Я ему оказал первую помощь и присвоил орден «Красной Звезды». Но врачи сказали: нужна срочная госпитализация. Врачам даже генерал — не указ. В лазарет. Завтра обещали вернуть в строй.

Завтра — это уже сегодня. Вот проснусь и пойду, повоюю.

Фшшик, фшшик — это Бабаня опять взялась за веник. Женечка проснется вот-вот, а ему еще молочка подогреть надо. Не любит полдничать, паршивец. Но за три недели поправился почти на килограмм. Пища здоровая, деревенская.

Тихонечко, чтобы раньше времени с молоком не приставала, без скрипа сползаю с кровати. Надеваю шорты и сандалии. Залезаю под пружины...

— Мама. Мамочка... — нет моей армии.

— Бабаня! Бабаня!

— Что стряслось? — спешит к внуку Анна Марковна.

— Бабаня, солдаты где?

— Солдатики твои?

— Нет! — некрасиво кричу. — Армия моя где? Вишневая?! — и плачу.

Засуетилась Бабаня. Да, я же... Да, я же их... И веник у нее в руке — предательский, желтый, с чулком капроновым.

— Ты убила их!

Спешу на веранду. Там — лазарет...

Был. Нет лазарета. И генерал пропал.

— ТЫ УБИЛА ЕГО!

С кулаками бросаюсь на Бабаню. Я большой, два класса закончил, подтягиваюсь пять раз. «Я! Ты! Я!»

Она отступает, отбивается желтым веником. И плачет, и плачет. Нет моих армий. Нет моего генерала. Нет на свете ничего, что могло бы исчерпать мое горе. Нет на свете никого, кто бы смог понять его, горе мое.

А она сбежала в слезах. *Совсем ушла*. Звенькнула калитка, и остался я один, на веранде. Без Бабани.

На столе стакан молока — греть собиралась. И булка на блюде. И масло в масленке. И нож для масла. Любит Бабаня порядок... И... что это?.. под столом, в обувной коробке

лежат мои армии. *И красный генерал там же*.

— Бабаня! — кричу.

— Бабаня! — выбегаю за калитку.

Да, вот же она, у оврага стоит. Плачет.

— Прости, Бабаня! Я... Ты... Я...

...

— Я еще в прошлом году заметила вояк твоих. Повсюду они мне тут попадались. Но не трогала. Что меня дернуло? Ты прости уж. Ладно-ладно, ты молоко-то пей. И про булку не забывай. Я тебя голодным не отпущу...

...

Вчера я нашел еще одну красную вишню. Это — Анка, подруга генералова. Она на Бабаню похожа, в молодости. Она тоже теперь воюет. Она храбрая, только пули мимо свистят. Перед сном она наливает генералу теплого молока.

— Выпей, мой генерал, — говорит она ему строго.

Наставник

Варвара Ивановна была дамой суровой, но справедливой. У нее не забалуешь. И терпела она меня только за скромные успехи на ниве решения математических уравнений.

В шестом классе я решил начать новую жизнь — перебрался с первой парты на последнюю, свел знакомство с хулиганом Сашкой Кругловым, записался в спортивный кружок и один раз дернул соседку по лестничной клетке за жидкую косу. Оставалось — научиться свистеть.

Свистеть без пальцев я умел. Но с этим «умением» было стыдно не только показаться на школьной дискотеке, но даже пугать безродных голубей на помойке. Надо было осваивать более прогрессивную технику.

Второгодник Сашка Круглов настаивал на том, что свистеть надо в два пальца: «Вот так...»

«Фффы... фффыыы», — с мученической миной выдувал я. «Неее, не так, вот так. Смотри: ...фьююю-ть-ть-ть... Ну, пробуй». Пробую: «Фффф... ыыыы» ... «Неее, так сблюешь раньше, чем свистнешь» ... Перемена закончилась.

Урок математики. «Фффф... фффф», — раздается с последней парты. Меняю указательные пальцы на средние. Выходит какое-то робкое «Фффю... фффююю». Варвара Ивановна отрывает голову от журнала: «Та-ак, Круглов, снова на неуд нарываешься?»

Отличник Финкель продолжает экспериментировать. В ход пошли пальцы безымянные: «Фьююю... Ой, Сашка, получилось вроде». «Ага, я пердеть могу музыкальней».

«Та-ак, ну-ка — оба к доске!» Сашка делает мне страшные глаза. Бредем меж парт.

Я что-то там не спеша решаю, время от времени быстро и мелко записывая для Сашки следующее действие, и тут

же стираю. Класс старательно шуршит по тетрадкам в клеточку. Суrowая Варвара прохаживается вдоль рядов.

«Садись, Финкель, отработал. Садись, Круглов, скажи спасибо Финкелю за тройку». «За что-о тройку?!» — игриво канючит Сашка.

Дошли до парты. Плюхнулись. Он благодарно пожимает мне ладонь и говорит: «А ты в четыре пальца никогда не пробовал?» «Не-а». «А ты попробуй».

Пробую.

Пронзительное «фью-йййй-ть-ть-ть» несется по классу...

До перемены мы торчим в коридоре. Дневники — у Варвары.

...

Гощу у отца. Мама просила его со мной поговорить. «Ну, показывай, как ты там свистел?» «Нормально свистел, в четыре пальца. Вот так: ...фью-йййй-ть-ть-ть». «Мда, таким свистом, сынок, только голубей на помойке пугать. Учись» ... И тут над московским двориком взвывается оглушительный разбойничий свист.

— Пап, как это ты?

— А вот так...

...

Через пару месяцев мама впервые услышала в моем исполнении матерную тираду. И позвонила отцу: «Эрик, ты должен с ним поговорить...»

Почерк

Он был ужасен. А Анна Павловна считала, что у меня вообще его нет. «Как курица лапой! Как курица лапой!» — кричала она на перепуганного очкарика и больно стучала моей тщедушной рукой по деревянной парте. С каждым ударом на судорожно исчерканной палочками и крючочками полосатой бумаге вскипали новые кляксы. Я плакал.

Первый класс мы писали «перышками» и карандашами. Перья, перицы — несуразные изделия из стали — они были моим ужасом, моей каторгой, а вовсе не «продолжением моей руки». Они либо рвали бумагу, либо двоили пьяный след, либо не писали вовсе. Я ненавидел их тогда едва ли больше, чем ненавижу сейчас. Столь выстрадано было мое чувство. А ведь их еще надо было после каждой «мама-мыла-раму» окунать в дурацкую чернильницу и пытаться донести до бумаги, не уронив ни капли. Но как?!

Во втором классе нам разрешили перьевые ручки. Дедушкин подарок — она была толстой и серого цвета. Вертишь хвостик — втягивается чернильная масса. И почти никаких клякс, и всегда пишет. Тогда-то и выяснилось вдруг, что каторжный труд имени памяти прошлого года подчинил мою душу — почерк стал ученическим и каллиграфическим до такой степени, что Анна Павловна один раз повесила мой диктант на доску почета.

В третьем классе начальной школы случилось это. Ирка Вагина пришла с шариковой ручкой. Потом Линка Казберова. Потом Ирка Шуравина. Потом Танька Филиппова. Потом *это* появилось у всех. И у меня.

Работа над почерком занимала моих одноклассников чрезвычайно. Девицы соревновались в изобретательности по части завитушек. Пацаны укладывали буквы то влево, то вправо — мода менялась. Но только я лепил *ученическим и каллиграфическим*. И ничего не мог с собой поделывать.

«Кто заполнит журнал? У кого тут самый разборчивый почерк?» Ага. «Кто напишет плакат для школы? У кого самые красивые буквы?» Тут я. «Ну-ка, посмотрим, чье это самое аккуратное сочинение?» Нипочем не угадаете.

Шли чередом школьные годы чудесные. Я учился и жил тихой надеждой, что однажды судьба обручит нас с Линкой Казберовой — и пойдем мы по жизни рука об руку.

Год 75-й, 6 марта. Я три долгих зимних месяца не ел сладких булочек в школьном буфете. Я купил ей «духи для девушек» — «Золушка» назывались. А еще... Я написал три четверостишия на красивой открытке.

Утро 7 марта, 6 утра. Я проснулся, дрожа от пережитого кошмара. Во сне она смеялась: с таким почерком тебе не стихи, а фельетоны для стенгазеты писать. Я порвал проклятую открытку. Полчаса ревел, не пуская маму к себе в комнату. Потом взял ручку, тетрадь. И начал работу над почерком.

Я ненавидел себя, свою правую руку, свои пальцы — большой, средний и указательный. Я ломал буквы как спички. Слова кривлялись, как в комнате смеха. Но они еще были узнаваемы. Я кромсал их и крошил на мелкой терке. Я убивал в себе маленького, дрожащего, послушного мальчика. Я смеялся, когда у меня получалось отломать ухо у одной буквы и приставить его к носу другой. Я побеждал!

И когда победил окончательно, взял чистую открытку и небрежно переписал три четверостишия, поставив в конце только что изобретенную кривую подпись. Точка.

Она удивилась духам — по нашим понятиям они были очень дорогими. Но даже не взглянула в открытку. Она улыбнулась и быстро-быстро чмокнула меня в щеку. Все остальное было не важно.

...

Потом было лето. Меня отправили на дачу. У нас появилась собака. Каждый день я уходил за грибами, а дед с отцом сидели на веранде и писали какие-то *экспертизы*. Потом мы во что-нибудь играли. Иногда стреляли из духового ружья по консервным банкам.

А однажды я заглянул в *их папку*. И застыл.

Это был *мой* сломанный, искалеченный, избитый почерк. Результат казни на рассвете 7 марта 1975 года.

— Кто это писал? Ты или дед? — спросил я отца.

— Мы.

Чтец

Не знаю, было ли в моей жизни место подвигу, но неразумные поступки время от времени я совершал.

Она сказала: «Ты — совсем ребенок».

Шел май 77-го года.

Она сказала: «Пойми, тебе тринадцать лет». Ей уже исполнилось четырнадцать.

Я понял. И задумал ее поразить.

Вся страна готовилась к празднованию 60-й годовщины Великого Октября. В школе проходил конкурс чтецов — со сцены актового зала должны были звучать стихи революционных поэтов. Список таковых прилагался. Список участников конкурса тоже.

Она и еще полторы дюжины комсомолок сидели в первом ряду.

Уже отзвучали программные Блок, Есенин, Горький, Бедный и даже Лорка. Потом вышел наш музыкальный коллектив мальчиков-зайчиков и прогорланил «Гренаду». Затем все разошлись, и на сцене у трясущегося микрофона остался только я.

— Михаил Светлов! Переводы из Мкртчанца!

(Здесь и далее цитирую по памяти. Пунктуация моя.)

Шебуршание прекратилось. Никто не щипался, никто никому не показывал язык или фигу. Зал отвлекся на странную фамилию.

Я смотрел ей в глаза.

*Греческое тело обнажив,
девушка дрожит от нетерпенья...*

Сидевшая одесную Оля Никанорова поперхнулась.

*Тихо спит мое стихотворенье,
голову на камень положив.*

Наша классная — Светлана Александровна — уже делала знаки моей маме — Наталье Иосифовне. Мама пожимала плечами.

Вдохновившись, я продолжал.

*Девушка сгорит от нетерпенья
от того, что вот уж сколько лет
девушка, какой на свете нет,
снится моему стихотворенью.*

Она не реагировала никак. Я прибавил громкости.

Молодое! Греческое! Тело!

Сидевшая ошую белокурая бестия Маринка Каргина зарделась.

Иногда! Хотелось! Полюбить!

Сейчас призовут меня к порядку — понял я, увидев, как к маме приближается директор школы Александр Васильевич. А потому прибавил темпа.

*Так-бывало-до-смерти-хотелось
ночью-просытаясь-закурить.
И-однажды-полночью-слепою
мимо-спящей-девушки-моей
я-промчусь-как-мчится-скорый-поезд
мимо-полустаночных-огней.*

И вот оно. В глаза гляди! (Развожу руками, как Никулин при исполнении песни про зайцев.)

*Дикая моя натура,
что нашла ты в этой сладкой лжи?!
Никакая! Греческая! Дура!*

Никанорова охнула.

Тело предо мной не обнажит!

А она даже не моргнула.

*Так однажды в детстве, в наказание,
мать меня лишила леденцов...*

Укоризненный взгляд на маму. Мама хмыкнула.

*Ни-че-го не выдало лицо,
но гла-зааа... лоснились от желанья!*

Она что-то шепнула на ухо сидевшей сзади Ирке Вагиной.

Молодость слезами орошая...

Я плакал. Она хихикала.

В поисках последнего тепла...

«Дура! Набитая дура!» — уговаривал я себя.

*Видишь? Голова моя большая
над тобой, как туча, проплыла...*

Уж да, случались у Михаила Аркадьевича поэтические удачи.

Никогда она не пожалеет...

Голова то есть.

*что плыла, как туча, над тобой.
Потому что облако имеет
очень много общего с землей.*

— Все, — зачем-то добавил я. И не соврал.

...

Приз мне в тот раз не достался.

Я ждал ее в коридоре. Она шла в компании Вагиной, Каргиной и Никаноровой.

— Лина!

Они остановились.

— Лина... я...

— Дурак ты, Женя.

И пошла дальше, виляя тощей жопой. Вагина показала мне язык.

Дуры! Набитые дуры! Трижды прав был Светлов Михаил Аркадьевич. Революционный поэт.

...

Но случались в моей жизни минуты, когда читал я «переводы из Мкртчянца» и встречал более благосклонный прием.

Почитать?

Князь

*Я не бывший князь, я родился и умру князем.
(фраза, приписываемая авантюристу Эболи)*

В сентябре 1977 года мы, восьмиклассники и будущие комсомольцы, начали под руководством Светланы Александровны (СА) работу над спектаклем о Феликсе Эдмундовиче Дзержинском (ФЭД). Премьера была намечена на 6 ноября — канун 60-летия Великой Октябрьской Социалистической Революции (ВОСР).

Главная роль досталась положительному Толику — он хорошо учился, был высок и худощав. Мне же выпало играть мерзавца Эболи — псевдо-князя, псевдо-чекиста, человека, которого расстреляли 26 февраля 1918 года за «предательство интересов революции». Смертный приговор ему был первым смертным приговором, подписанным чахоточным ФЭД.

Чья была пьеса? Не помню. Но была она пьесой, написанной советским драматургом.

В ходе репетиций выявился один дефект, вернее, два: Толик боялся громко говорить, я же, напротив, орал на него во время допросов, что было совершенно недопустимым. Чтобы как-то решить проблему, СА порезала пьесу и оставила мне всего одну фразу в финальной сцене. Я был зол.

Премьера. Финальная сцена.

Я стою перед столом, заложив руки за спину. За мной стоят двое бойцов со швабрами, камуфлированными под винтовки. За столом сидит Толик и произносит тихим голосом свой офигительный монолог — он рассказывает мне о моих злодеяниях, он называет меня нехорошими словами, он грозит мне возмездием. По залу бесшумной тенью носится СА, которая умоляет публику не болтать и не ерзать, поскольку и так поганно слышно.

И тут мы подходим к развязке.

Толик страшным шепотом кричит мне в лицо:

- Кто вы такой?! Отвечайте, кто вы такой?!
- (я молчу, тут СА замарала мой текст)
- Кому вы служите?!
- (я молчу, как учили)
- Ваше настоящее имя?!
- (я держу паузу)

Вдруг из зала кто-то крикнул: «Толян! Харэ выебываться! Это ж Жека, свой пацан!» Два-три смешка, и тишина. Я вижу круглые глаза СА и пунцовую рожу Толика. «Только не ржать, Женя, только не ржать», — говорю я себе. Еще секунд пять молчу и гордо кричу свою единственную фразу:

- Я! Князь! Эболи! Я! Родился! И! Умру! Князем!
- (Толик молчит, Толик забыл слова.)
- Я — князь! Ты понял, гад! (Надо же спасти ситуацию.)
- (Толик тупо смотрит куда-то вдаль.)
- Я — князь. (Уже спокойнее подсказываю я.) И вы можете меня рас-стре-лять.
- Расстрелять, — тихо откликнулось эхо.

И меня (князя) увели. Потом еще один будущий комсомолец зачитал приговор, мои конвоиры застучали швабрами за кулисами, а комсомолка Л. (моя тайная любовь), подсматривая в бумажку, рассказала публике о жизненном пути «железного Феликса». Жидкие, но продолжительные аплодисменты.

...

Я забежал в туалет для мальчиков на четвертом этаже, вытащил сигарету, чиркнул спичкой, судорожно затянулся и прошел из предбанника в основное помещение (там была форточка, в которую иногда выбрасывался окурочек, если появлялся директор или завуч). Поднял глаза и обомлел. На подоконнике сидел капотнинский бандит Володька Князев, по кличке «Князь».

«Не бзди, Жека», — сказал он мне. У него были толстые губы и нехорошие масляные глаза. Он подал мне потную ладонь. Я пожал. Он взял затынуться, вернул. «Артистом ты помрешь (сунул спичину между зубов, поковырял, сплюнул), ...а я — князем».

Эпилог

Осенью в комсомол Толика приняли, а меня нет. К годовщине Великой Победы мне предложили еще одну роль — героя-танкиста Смирнова. Это уже был не спектакль — так, сценка. Я стоял в изодранной и окровавленной гимнастерке и читал со сцены: «Когда враги в блиндаж ввели Смирнова...» Потом меня понарошку мудохали за сценой, а комсомолка Л. читала по бумажке про победы Советской Армии. Комсомол мне светил на все сто. «Князя» в зале не было, к тому времени он «сел». И хорошо, что не было. Только он из знакомых мог сказать мне в лицо: «Пробал ты свой актерский дар за хуйню на булавке».

Впрочем, «Князь» так высокопарно не выражался.